

demonstrated in the rational and optimistic purposes of the main hero. His death receives double interpretation as physical ruin and spiritual regeneration.

Keywords: Apollonian, Dionysian, tragic world-view, optimism.

УДК 10.01.01

Гоголадзе Т.А.,
доктор филологических наук,
Горийский университет

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ В ПРИМОРСКОМ ГОРОДЕ В РАССКАЗАХ ГРУЗИНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ Г. РЧЕУЛИШВИЛИ И Н. ДУМБАДЗЕ

У каждого города своя жизнь: люди рождаются, растут и умирают. Но **жизнь** в приморских городах очень похожа одна на другую. Здесь, кроме коренного населения, живут и отдыхающие, которые каждый год приезжают и уезжают. **Жизнь** гостей в **приморских городах** тоже похожа одна на другую: несчастные случаи во время непогоды, **жизнь** рыбаков и моряков, отношения с коренными жителями. Счастье и несчастье здесь, в отличие от других городов, часто возникает внезапно и исчезает бесследно. Так, **приморский город** продолжает свою **жизнь** без отдыхающих, до нового сезона. Но вместе с общностью жизненного пути у **приморских городов** есть и свои особенности, различия в национальных чертах, характерах и их перипетиях.

Два грузинских писателя второй половины ХХ столетия Гурам Рчеулишвили и Нодар Думбадзе старались передать именно те общечеловеческие стремления коренных жителей и приезжающих, которые связаны с Чёрным морем. В рассказах не всегда вырисовывается, в каком именно городе происходит действие (в рассказе “Hellados” Н. Думбадзе – это Сухуми). А второй автор Гурам Рчеулишвили сам закончил свою **жизнь** в море, спасая других.

Хотя имеется немалое количество исследований творчества Г. Рчеулишвили и Н. Думбадзе, как на грузинском, так и на русском языках (Б. Жгенти, Г. Гвердцители, Г. Асатиани, А. Руденко-Десняк, Л. Аннинский, А. Маченко, В. Огнева, В. Хмары, Г. Бланкофр-Скарр и др.), тема **жизни** и **смерти** в **приморском городе** почти не изучена.

Одно время кумиром у нового поколения был Эрнест Хемингуэй. Это чувствуется в прозе Г. Рчеулишвили, он надолго остается его учеником. “Единственное, что унаследовал Гурам от большого писателя, – это умение недосказать, чувство глубинного течения, лаконичность фразы” [4, 51], – писал Коба Имедашвили. Это поистине проявляется в прозе Рчеулишвили. А.Г. Рчеулишвили “смог внести в грузинскую литературу нечто новое, свое. У него было особенно обострено чувство современности; чутье художника в совокупности и с большой культурой давали ему возможность постигать **жизнь** и изображать ее, не допуская психологического “анахронизма” и отклонений в естественном прохождении душевных сдвигов человека” [5, 115].

Оба писателя продолжали традицию темы моря в грузинской литературе (Л. Киачели, Р. Чачанидзе, П. Лория и др.), но внесли особые черты нового времени и нового поколения.

Как писал В. Заверин о творчестве Нодара Думбадзе, "Тонкую своеобычность нового произведения не всегда удастся сразу заметить, обнаружить. Порой она словно "прикидывается", не очень – то существенной, но очень важной и скрывает оригинальность авторского замысла, серьёзность художественной идеи" [3, 2]. Это необычное и вместе с этим обычное, повседневное, связанное с морем, человеческим восприятием **жизни** и **смерти**, дало нам возможность объединить несколько произведений Гурама Рчеулишвили и Нодара Думбадзе. Герои этих произведений связаны с морем, но не в общем смысле, а с родным Чёрным морем. Некоторые живут только день (на страницах рассказа), другие умирают молодыми, иные теряют родных в море. Но любят они эту **жизнь**, так как само море похоже на **жизнь**, вечно меняющееся, манящее и иногда очень строгое, беспощадное.

Гурам Рчеулишвили (1934–1960) прожил всего 26 лет. И смерть его прекрасной жизни была мужественной: он погиб, борясь с морем ... "В его рассказах как будто, два величия наравне с человеческим: море и горы. Он прекрасно понимал, что жить по-мужски достойно всегда связано с каким то риском, поэтому пишет в своём дневнике: "Чую сердцем, не достигну до тридцати. Было бы прекрасно достигнуть до тридцатилетнего возраста, как многое бы сделал <...>" [3, 5].

Рчеулишвили характеризуют как писателя одного персонажа, все его герои – одно и то же лицо в разных ракурсах. Их страсти по капельки накапливаются, чтобы потом в один момент вырваться с большим потоком.

В 1960 году Гурам отдыхал в Гаграх. Было 23 августа, море бушевало. Гурам написал свое последнее стихотворение "Матери": "*На море семь-восемь баллов волнения. Он спасал других. И все спаслись. Кроме него*" [4, 51].

Стихотворение опубликовано в июне 1989 года в газете "Литературули Сакартвело". В переводе сохранена авторская пунктуация:

<i>Мама!</i>	<i>Играю с солеными волнами.</i>
<i>Не ездь к морю</i>	<i>Ветру все нипочем</i>
<i>Море вонуется</i>	<i>И море не трогает судьба чайки</i>
<i>А ты не умеешь плавать</i>	<i>Ты же утонешь, мама.</i>
<i>Море волнуется, мама,</i>	<i>Чайка не знает заботы,</i>
<i>Так же как ты</i>	<i>Нет у нее приюта,</i>
<i>Не надо не приезжай.</i>	<i>Ни у ветра,</i>
<i>Море беспечно</i>	<i>Ни на у суш.</i>
<i>Без всякой причины волнуется море –</i>	<i>Мама, молю –</i>
<i>Ветер тревожит его.</i>	<i>Не приезжай...</i>
<i>Ты ж непременно утонешь.</i>	<i>Море так тревожно</i>
<i>Я чайка, с ветром заодно,</i>	<i>Ты непременно утонешь²⁹</i>

(перевод В. Зининой) [6, 78].

²⁹ В оригинале приписка: "Само оно без матери, без земли, без дома".

Но это поэзия, а наша тема о прозе Г. Рчеулишвили. Три рассказа посвящены тему моря: “Море было не слишком бурное”, “Медленное танго” (переводы на русский язык принадлежат Аиде Абуашвили) и “Немой Ахмед и жизнь”.

Приморский город и приезжающие. Здесь первый контакт обязательно с морем. Какое море, от этого зависит настроение отдыхающих, их жизненный тонус. Но здесь, на побережье, одна **жизнь**, а другая – в глубине моря. Беспощадные волны ведут борьбу с плавающими. Кто кого победит! И на берегу их ждут, ждут с нетерпением, с ленью, с безразличием. Писатель, касаясь одной темы, передаёт разные перипетии: как будто море не так волновало, как будто двое купальщиков должны вернуться на берег живыми, и их ждала на берегу только одежда: двое сорочек и брюк. Как предзнаменование, одна сорочка потерялась, унесли волны, а живой был вынужден переодеться в чужую одежду. Молодые парни – сильные, красивые, но один погиб, а другой спасся. Беседа с совестью: “*Что сказать дома, вообще, как явится... поверят? А? Может, и не поверят*” [7, 73].

"У меня же не хватило сил, я сам еле выплыл. Я же тащил его сколько мог, да сколько мог... Подлец я все-таки. Как же так: рядом со мной человек погиб, лучше бы и я с ним утонул. Но я-то не утонул. Ударил в живот и бросил, а? Ну и с другой стороны, что я мог? Нет, тут он тоже виноват. Не "тоже", а просто сам он во всем виноват. Хотя в чем собственно? Вымотался, не мог больше плыть, утонул. А я мог, я выплыл, что же теперь, на мне и вина? Не сумел я его вытащить, не сумел, я же хотел, тащил, потом он и меня стал топить, пошел ко дну. Выходит, и мне надо было утонуть, так что ли?" [7, 72].

Это не первый случай в **жизни** героя, в тот раз в машине сидели двое. Резо погиб, а он остался жив.

Виноват ли героя, что он остался жив? Вопрос остаётся открытым.

Море в гибели товарища не виновно, оно же было не слишком бурное?!

А вот герой второго рассказа “Медленное танго”, Иван, спасая утопающих сына и жену, сам умирает у берега.

А люди на берегу почти ничего не поняли, только результат случившегося: отец погиб. И жизнь по-прежнему продолжается: “*Вечером в кафе джаз играл “Истамбул”. Пары танцевали в быстром ритме*” [7, 42].

И диалог между танцующими: разве существуют люди, которые готовы на самопожертвование, спасая других: “*Да, но поверьте, всё-таки попадаются*” [7, 43].

Здесь даётся, как будто, ответ на вопрос первого рассказа: можно было спасти ...

Писатель ведёт сюжет очень просто, как будто это привычный день приморского города, и привычный и непривычный. Здесь **жизнь** уступает место смерти, взамен других **жизней**.

Ахмед – немой с рождения (“Немой Ахмед и жизнь”). Для него все начинается с моря и кончается морем. Море даёт ему пищу, здесь он соприкасается с природой, которую воспринимает только зрением: “*Он знал, что у*

него есть отец, хибарка и море. Море было хорошее только тогда, когда улов был хорош ... Для Ахмеда море было таким, как земля, не красивый и не другой. Он не представлял **жизнь** без моря” [8, 159] (перевод автора – Т. Г.).

Море подарило Ахмеду Лили. Эта была прекрасная пара в его жизни. Лили украшала замкнутую **жизнь** Ахмеда и его отца Джанибека. Писатель мелкими штрихами рисует беременность Лили, ожидание ребёнка. А потом – мёртворождённый ребёнок и кошмары Лили. Немой Ахмед не смог утешить Лили, не смог спасти её от кошмарных снов. Лили как будто становится тенью, она уходит, отец умирает, и Ахмед остаётся один с морем.

Рассказ начинается почти с натуралистического портрета немого Ахмеда, уже постаревшего, с приютившей старой женщиной и собакой. Чёрные, блеклые тени легли в памяти Ахмеда. Только воспоминания живут, какие-то очень далёкие, почти позабывшиеся. “Ахмеда наполняла бесформенная **жизнь**. <...> тело чувствовало, что он жив. **Жизнь** сидела в его полуразрушенной хибарке” [8, 175].

Литературовед Коба Имедашвили очень четко резюмирует два рассказа (“Море было не слишком бурное” и “Медленное танго”): “В них человек оголен. В одном случае ради собственного спасения он предаёт друга, в другом, спасая ближнего, гибнет сам. В обоих рассказах трагедия разыгрывается на море. Убедительно нарисованы писателем два типа людей – труса и человека, готового на самопожертвование” [4, 51].

Здесь – как будто люди-тени. Жизнь бесформенная, окружающая среда не сможет контактировать с немым рыбаком, кроме вопроса купли и продажи улова. **Жизнь** Ахмеда связана только с морем и его подарком Лили. Так и подходит к концу его жизненный путь. Только старуха и собака дают знать Ахмеду, что он еще жив.

“Знакомясь с рассказами Г. Рчеулишвили, убеждаешься, что он всегда учитывал и умело применял экспрессивные возможности грузинского языка и художественного мышления, преимущества ритмической прозы и выразительность художественного слова” [3, 117], – пишет Гурам Канкава. Он подчеркивает и другую характерную деталь творчества Рчеулишвили, что “у него был свой взгляд на композиционную фактуру новеллы, следуя которому по своей чеканке, фотографической ясности и локализации она должна строиться как репортаж или художественный очерк” [3, 117].

Эта деталь тесно вплетается в художественную фактуру произведения и даёт возможность читателю быть свидетелем, иногда участником развернувшегося события.

Два рассказа Г. Рчеулишвили (“Медленное танго” и “Немой Ахмед и **жизнь**”) внесены в учебники “Грузинская литература” (X–XI классов).

Творчество Нодара Думбадзе (1928–1984) было неоднократно оценено в исследованиях грузинских и зарубежных литературоведов, рассмотрены и разработаны ряд проблем, поставленных в произведениях писателя, художественные приёмы, манера письма и т.д.

“В своих романах Нодар Думбадзе постоянно обращается к проблемам нравственного формирования юноши, не изменяя излюбленной манере повествования – с грустным юмором доносит до читателя пережитое и наболевшее” [7, 138].

“В этих разных, самостоятельных романах есть нечто, и притом весьма значительное, что глубоко роднит их. Скажем, то обстоятельство, что все романы написаны о молодых людях, биография которых принципиально не исключает друг друга, может создать впечатление, что мы имеем дело с частями большой эпопеи, написанной об одном и том же герое” [1, 139], – написал литературовед Гурам Гвердцители, и, поистине, вышесказанное касается и рассказов Нодара Думбадзе, особенно “Hellados”.

Рассказ описывает события города Сухуми в 1938 года. В этом приморском городе живут, работают, любят, ненавидят. Кроме грузинов и абхазов, здесь живут греки, армяне, русские.

Шоссе у железнодорожного пути – Венецианское шоссе. Герои рассказа – два мальчика, грек и грузин: Янгули и Джемал здесь познакомились и вот борьба за первенство в ватаге заставляет Янгули сперва дразнить Джемала, мальчика со скрипкой, а потом вызвать сразиться. И это продолжается несколько месяцев. Янгули наконец понял мужественность Джемала, и они рассталась, как хорошие знакомые. Они живут рядом, иногда встречаются, но часто дразнят по-дружески с бранью: один на грузинском языке, второй – на греческом, пока Янгули, сам сирота, не узнает, что и у Джемала тоже нет матери. Душевно чистый, мужественный Янгули завоевывает сердце Джемала, и, когда греки начали выезжать из Сухуми на родину, ему становится невыносимо тяжело. Янгули не хочет уезжать из Сухуми: *“Как тебе объяснить, – начал он наконец. – Матери у меня нет, я даже не помню её, а отец – все дни в огороде или на заработках. Я вырос на Венецианском шоссе, на улице. Моя родина, моя Эллада – это Сухуми, шоссе, Чалбаш, это Кока, Петя, Курлика, Фема, Черное море, мост, – он чуть запнулся и продолжал, – это Мида... и ты тоже”* [2, 269].

На груди у Янгули свиринг “Hellados”, но Янгули верит: *“Это – наколка, Джемал. А родина – она глубже, в самом сердце. Янгули положил руку себе на грудь”* [2, 269].

Янгули влюблён в Сухуми, ребят, море, девушку Мида, и, по вынуждению уезжая из города, погибает, кончает **жизнь** в море.

Здесь море даёт последний приют парню, который не хотел его оставить. И душой и телом он остаётся на своей новообретённой родине.

Просто, очень просто описывает Н. Думбадзе жизнь мальчиков, их проказы, стремления, с виду очень простые, но глубокие душевные тревоги.

Рассказ Нодара Думбадзе с самого начала привлек читателя. Его не только читали, но и ставили на сценах грузинских театров, осуществляли гастроли и за границей, где имели большой успех.

Приморские города продолжают жить со своей **жизнью** в рассказах Г. Рчеулишвили и Н. Думбадзе, а их читательский круг со временем находит в них героев, так похожих на самого себя.

Литература

1. Гвердцители Г. Верность реализму / Г. Гвердцители. – Тбилиси : Мерани, 1986. – С. 138–139.
2. Думбадзе Н. Закон вечности : рассказы / Н. Думбадзе. – Тбилиси : Мерани, 1979. – 253 с.
3. Заверин М. Мужание и ответственность героя / М. Заверин // Литературная газета. – 1970. – № 6. – С. 6.
4. Имедашвили К. Письмо переводчику / К. Имедашвили // Литературная Грузия. – 1973. – № 1. – С. 49–51.
5. Канкава Г. Новые штрихи к образу современника / Г. Канкава // Литературная Грузия. – 1969. – № 4. – 118 с.
6. Рчеулишвили Г. Стихи / Г. Рчеулишвили // Литературная Грузия. – 1991. – № 3. – С. 78–82.
7. Рчеулишвили Г. Рассказы / Г. Рчеулишвили. – Тбилиси : Мерани, 1975.
8. Рчеулишвили Г. Медленное танго / Г. Рчеулишвили. – Тбилиси, 2010. – С. 157–176.

Аннотация

Жизнь и Смерть в приморском городе приобретает особую яркость, выразительность, поэтому очень важно его особое художественное отражение в литературе. Грузинские писатели нередко писали о море и её жителях (Л. Киачели, П. Лория, Р. Чачанидзе и др.).

Чёрное море особенно связано с жителями северного Сухуми и южного Батуми. Жизнь коренных жителей и отдыхающих часто переплетены со смертью. Особенно интересны в этом плане три рассказа грузинского писателя Гурама Рчеулишвили (1934–1960) и рассказ Нодара Думбадзе “Hellados”.

Ключевые слова: приморский город, жизнь, смерть.

Анотація

Життя і Смерть у приморському місті набуває особливої яскравості, виразності, тому дуже важливим є його особливе художнє відображення в літературі. Грузинські митці нерідко писали про море та його жителів (Л. Кіачелі, П. Лорія, Р. Чачанідзе та ін.).

Чорне море особливо пов'язане з мешканцями північного Сухуми та південного Батумі. Життя корінних жителів і відпочиваючих часто переплетені зі смертю. Особливо цікаві у цьому плані три оповідання грузинського письменника Гурама Рчеулішвілі (1934–1960) і оповідання Нодара Думбадзе “Hellados”.

Ключові слова: приморське місто, життя, смерть.

Summary

A seashore town is different from others. Here life and death acquires special clearness and emphasis. In this aspect it is very important its specially fictional reflection in the literature. Georgian writers not seldom wrote about the sea and their inhabitants (L. Kiacheli, P. Loria, R. Chachanidze ect).

The Black Sea is connected with the inhabitants of north Sukhumi and south Batumi. The life of original inhabitants and holiday-makers is often connected with each other by death. In this aspect three stories of a Georgian writer Guram Rcheulishvili (1934–1960) and the story “Hellados” by Nodar Dumbadze (1928–1984) are very interesting.

Keywords: a seashore town, life, death.